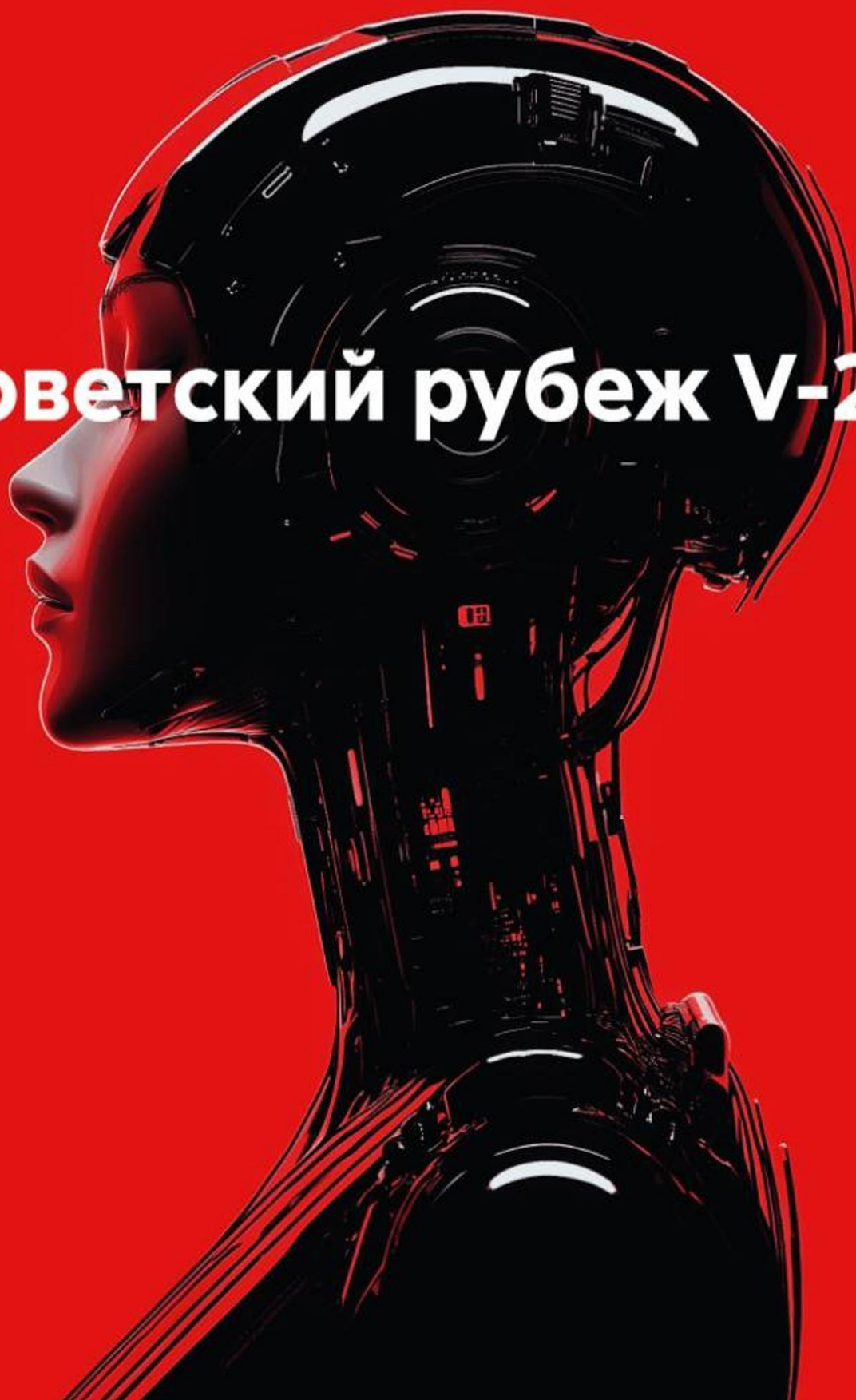

Лира Вольт

Советский рубеж V-2.0

18+

Ли́ра Во́льт

Советский рубеж V-2.0

«Автор»

2026

Вольт Л.

Советский рубеж V-2.0 / Л. Вольт — «Автор», 2026

Внимание! Перед вами принципиально новая версия романа, это не продолжение, а полная переработка истории с сохранением основного сюжета и добавлением новых сюжетных линий. Старая версия книги остаётся доступной на платформе. Великая Отечественная война. 1944 год. Псковские леса становятся ареной жестоких сражений. Советские войска готовятся к прорыву укреплённой линии «Пантера» неприступного рубежа, который немецкие войска считали непреодолимым. В центре повествования судьба неопытного командира, которому предстоит пройти путь от самоуверенности до истинного понимания цены войны. Его наставниками становятся бывалый старшина Ерофеев и загадочный Якут. Неожиданный поворот происходит, когда на поле боя появляются странные существа в немецкой форме, против которых бессильны обычные приёмы ведения боя. Роман сочетает в себе элементы военной прозы, мистики и научной фантастики, создавая уникальное повествование о мужестве, дружбе и человеческой стойкости перед лицом неизведанного.

© Вольт Л., 2026

© Автор, 2026

Ли́ра Во́льт

Советский рубеж V-2.0

Глава 1

Киборг Убийца V-2.0

Книга первая Советский рубеж

Часть первая Герои не нашего времени

Предисловия

Семнадцатое июля 1944 года. Над псковскими лесами висел тяжёлый, сырой воздух, будто сама земля ещё помнила зимние бои и не хотела отпускать холод. Это был день, когда тишина перестала быть покоем и стала затишьем перед ударом.

Псков немцы называли «ключом к парадным дверям Ленинграда». И теперь этот ключ намертво застрял в ржавом замке линии «Пантера». Сто семьдесят пять километров укреплений по псковской земле, восемь-десять километров сплошной смерти: доты, блиндажи, зарытые в землю танки, колючая проволока, мины. Всё это было частью «Восточного вала» — огромной стены, протянувшейся от Балтики до Чёрного моря.

Командование группы армий «Север» считало рубеж неприступным. И, глядя на эти укрепления, можно было поверить: бетон и сталь действительно способны остановить любое наступление. Но за этими километрами проволоки и бетона стояли не машины. Стояли люди. И люди умеют уставать, ошибаться... и прорываться вперёд.

Четыре месяца советские части готовились к штурму. Четыре месяца разведки, ночных вылазок, карт, прочерченных карандашом по миллиметру. И вот теперь, в этот серый июльский день, 3-й Прибалтийский фронт под командованием Масленникова был готов проверить, так ли уж крепок этот «неприступный» рубеж. Казалось, воздух звенел от напряжения: ещё миг — и тишина лопнет под грохот артиллерии, а пехота пойдёт вперёд, туда, где каждый метр оплачен кровью.

Но чтобы понять, как эти люди оказались готовы шагнуть в этот грохот, надо спуститься ниже, в февраль. Туда, где война ещё не стала приказом и залпом, а была просто сыростью, усталостью и тихим, упрямым умением держаться, когда держаться почти не на что.

Глава 1 «Хороший, плохой, злой»

-Что главное в танке?
-Броня? Орудие? Ходовая часть?
-Главное в танке не обосраться!!!
(Армейская мудрость)

Расположение 1 роты, 374 стрелкового полка, вблизи города Пскова, 1944 год, 17 февраля, 02:15.

Тёплая ночь казалась насмешкой. Снег, едва касаясь земли, тут же превращался в ледяную жижу, и эта сырость забиралась всюду: под гимнастёрку, в рукава, в самые швы. Плащ-палатка липла к плечам тяжёлой коркой, и казалось, что она не греет, а вытягивает последнее тепло. Кирзовые сапоги разбухли и стали непомерно тяжёлыми; при каждом движении внутри хлопало, и этот звук раздражал сильнее любой ругани. Тулупы, передаваемые от поста к посту, давно потеряли всякий смысл: напивавшись водой, они висели мёртвым грузом, а потом и вовсе легли в угол бойниц — тяжёлые, бесформенные, похожие на тела. Кто-то пытался использовать их как настил над лужей, но толку было мало: вода всё равно просачивалась, подбираясь к ногам. Солдаты без конца переминались, стараясь хоть немного разогнать кровь. В окопе висел тихий, усталый хор: кто-то сквозь зубы проклинал всё на свете, кто-то скулил от холода, а кто-то молчал, лишь изредка вздыхая. И в этом молчании было больше правды, чем в любых словах: на войне быстро учишься не упрекать тех, кто рядом, — потому что завтра рядом может не оказаться никого.

Артём спускался в землянку, и с каждым шагом воздух становился всё гуще, всё тяжелее. Ему казалось, будто он не в штабную землянку идёт, а спускается в могилу: низкие своды давили сверху, полумрак глотал очертания, а тишина здесь была не спокойной, а настороженной, будто сама земля прислушивалась к каждому шагу.

Дойдя до входа, он замер на секунду перед низкой, почти приземистой дверью — такой, что даже ему, высокому парню, пришлось почти наполовину согнуться, чтобы протиснуться внутрь. И это движение, это вынужденное сгибание он вдруг ощутил, как унижение — словно его заставляли поклониться чему-то непонятному, чужому, чему он ещё не знал цены. Будто сама землянка проверяла: «А ты готов тут быть? Готов забыть про парадную выправку и стать таким же, как все?»

Когда он наконец переступил порог, его будто ударило стеной запахов: спёртый дух портянок и пота, прогорклый дым, едкий запах папирос, затхлость, вьёвшаяся в брёвна. Кто-то курил в углу, кто-то ел прямо с колена, а рядом, завернувшись в шинель, спал боец. Всё это совсем не походило на штабную палатку из учебников — тут жизнь шла без парадов, по своим, жёстким правилам.

Потолок был из толстых брёвен, законопаченных сухой травой; сквозь щели временами сыпались тонкие струйки песка — так отзывались далёкие взрывы, доходившие сюда глухим содроганием земли. Где-то в углу монотонно капало: талая вода пробиралась сквозь перекрытие и падала редкими, тяжёлыми каплями, отбивая свой собственный, равнодушный ритм.

Артём расправил плечи, будто хотел стряхнуть с себя это ощущение неловкости, но выправка теперь казалась здесь почти нелепой. Он оглядывался, будто искал хоть что-то знакомое, но здесь всё было «не по уставу»: доски кривые, свет тусклый, голоса приглушённые, будто даже говорить громко тут нельзя.

Он поспешил заглушить эту неловкость привычным, твёрдым тоном, как учили на курсах:

— Значит, здесь штабное расположение. Надо составить схему постов, проверить боекомплект, сверить графики дежурств. И пусть мне подготовят сводку по личному составу.

В землянке на секунду повисла тишина. Потом кто-то тихо поперхнулся от смеха, не выдержав этого строгого, по-курсантски выверенного тона. Кто-то заулыбался в рукав, пряча улыбку. А один из бойцов, сидевший у стены, закрыл лицо ладонями — не от обиды, а будто от нелепости момента: молодой лейтенант с прямой спиной и уставом как щитом посреди этой обжитой, прокопчённой окопами жизни.

Ерофеев молча поставил на сколоченный из досок ящик пару гильз — одна лежала ровно, другая косо, чуть накренившись. Потом поднял глаза на Артёма.

Старшина был на полголовы ниже лейтенанта, но такой широкий в плечах, что будто занимал больше места, чем положено. Руки у него были огромные, тяжёлые, с узловатыми

суставами и старыми шрамами; кулаки — как булыжники. И вот в этих руках, в этой массивности не было суеты, только тяжесть, выстраданная годами окопов.

А в глазах Ерофеева отпечаталась смерть — не как страх, а как привычная соседка, с которой он давно живёт бок о бок. Он смотрел не мигая, спокойно, будто видел не форму и погоны, а то, что прячется под ними. От этого взгляда Артёму стало жутко: будто его насквозь просветили рентгеном и теперь знают про него всё — и про то, как он боится, и про то, как скучает по дому.

— Схему составим. Графики сверим, — спокойно сказал Ерофеев. — Только скажи мне, товарищ лейтенант, а если ночью всё пойдёт не по графику? Если связь рухнет, посты сорвутся, а к опушке подойдёт не тот противник, что в сводке? Что тогда делать будешь? По уставу?

Артём дёрнул плечом, будто отмахнулся от неприятного:

— По уставу и будем действовать. Устав потому и написан, чтобы в любой ситуации было ясно, кто и что делает.

— Устав хорош, когда всё идёт, как положено, — не повышая голоса, возразил Ерофеев. — А тут редко что идёт, как положено. Тут надо не пункты помнить, а людей знать. И понимать, где линия ломается.

Внутри у Артёма всё сжалось. Он хотел ответить резко, напомнить, кто тут начальник, но слова застряли: в голосе старшины не было ни вызова, ни насмешки — только эта пугающая уверенность, из-за которой солдаты шептались, что рядом с Ерофеевым «пуля не берёт». Они верили, что он фартовый, удачливый, и потому тянулись к нему, как к чему-то надёжному. А офицеры, наоборот, держались настороже: с таким человеком не поспоришь, его не перекричишь, он просто знает цену словам.

— Я здесь для того, чтобы порядок был, — выдавил Артём, стараясь, чтобы голос звучал твёрже. — Порядок и дисциплина — это и есть то, что нас всех держит.

— Порядок держит, — не стал спорить Ерофеев. — Только порядок тут другой. Не бумажный.

Они стояли друг напротив друга: Артём с прямой спиной и уставом как щитом, Ерофеев — спокойный, будто ему всё это давно знакомо, и спорить тут не о чем. Перепалка вышла короткой, без крика, но ощутимой.

Когда они разошлись по делам, один из офицеров, стоявший у входа, тихо, почти себе под нос, бросил Артёму:

— Зачем ты с ним конфликтуешь... Ты его не знаешь.

Артём хотел было огрызнуться, но фраза повисла в воздухе, тяжёлая и простая. И впервые за весь день ему стало не столько страшно, сколько стыдно — будто он не про дисциплину говорил, а просто пытался спрятаться за строчками устава.

Артёму Овчаренскому недавно исполнилось двадцать три года. Это был его пятый день на фронте. Всё ещё казалось каким-то чужим, будто происходит не с ним. Он не успел ни по-настоящему устать, ни потерять друзей, ни привыкнуть к тому, что тишина — это не покой, а затишье перед ударом.

Он вырос в семье, которая по меркам довоенного времени считалась не просто обеспеченной — влиятельной. Мать — доктор наук, из глухой деревни, пробившаяся в науку благодаря редкой способности к точным дисциплинам. Отец — высокопоставленный чиновник, жёсткий, требовательный, намного старше матери. В их доме любовь не измерялась объятиями. Её мерилom были репетиторы, тренеры, расписание по минутам и цена учебников, которые для других семей были целым состоянием.

Детство Артёма прошло под знаком страха перед одной-единственной вещью — разочаровать отца. День был расписан до минуты: учителя, занятия, борьба, физическая подготовка. Свободного времени не существовало. А единственной настоящей угрозой был отцов-

ский ремень. Он доставался за любую мелочь: забыл форму для физкультуры, принёс на урок котёнка, отвлекся на уроке, получил замечание в дневник. Но страшнее всего было принести тройку или, не дай бог, двойку. Тогда отец багровел, хватался за ремень и орал:

— Ты знаешь, кто я?! Ты позоришь меня и нашу семью! Я выбью из тебя эту дурь! Ты у меня по струночке ходить будешь!

Артём окончил школу почти с золотой медалью — лишь две четвёрки, по химии и физике. Для любого другого это был бы повод для гордости, но для отца стало поводом замолчать и будто перестать замечать сына.

— Ты в кого уродился такой?! — только и бросил он.

Лёгкое смягчение пришло лишь тогда, когда в 1939 году Артём поступил в МГУ. Отец тогда впервые за долгое время похвалил: сухо, без лишних слов, просто пожал руку. Для Артёма это было как солнечный луч в тёмной комнате — он был счастлив до небес.

А потом пришла война. Отец всеми силами пытался уберечь сына от фронта. Но однажды Артём твёрдо сказал:

— Хватит. Я взрослый. Я иду на курсы офицеров.

Отец привычно потянулся к ремню, но Артём осадил его неожиданно спокойным и тяжёлым голосом:

— Только попробуй.

В этот раз угроза сработала. Отец отступил, но не смог оставить последнее слово за собой достойно. Лишь сбивчиво выкрикнул ругательства:

— Пошёл вон! Чтоб я тебя не видел! Сдохнешь там — так тебе и надо!

Мать хотела броситься к сыну, силилась встать, но отец грубо одёрнул её:

— Сидеть! Прибежит ещё на коленях умолять будет!

Артём равнодушно оглядел комнату, родителей и вышел, громко хлопнув дверью. В тот момент он чувствовал не горечь, а эйфорию — будто сбросил с плеч тяжёлый, ржавый панцирь. Впервые в жизни он сам принял решение, и никто не мог его отменить.

Теперь, стоя перед низкой дверью землянки и сгибаясь, чтобы войти, он вдруг снова услышал этот отцовский голос. И понял, что снова пытается соответствовать — только теперь не отцу, а уставу. Устав стал его новой струночкой, по которой он должен ходить. И от этого на душе становилось ещё горче.

Артём потянулся к выходу, привычно ожидая, что сейчас толкнёт дверь — и окажется в другом мире: в коридоре штаба, в тёплом купе поезда, хотя бы на залитом солнцем перроне. Но вместо этого его рука упёрлась в тяжёлые, прокопчённые брёвна. Он замер, будто впервые по-настоящему понял: выходить некуда. Это теперь его дом. Не тот, где его учили соответствовать и не разочаровывать, а этот сырой окоп, где тепло — редкость, а тишина — предупреждение.

— Товарищ гвардии лейтенант, — разбудил его голос старшины. — Пора на обход позиций. Просили разбудить.

Артём выпрямился, одёрнул гимнастёрку, будто хотел вернуть себе ту самую выправку, которая в землянке казалась нелепой. И шагнул в окоп.

Он шёл, проверяя посты, и брезгливо ступал новыми начищенными яловыми сапогами по лужам. Месиво из воды, земли и глины хлюпало под ногами, разъезжалось, цеплялось за голенища. После тёплой офицерской землянки всё это казалось адом.

«Как они только терпят?» — подумал он, проходя мимо поста. И тут же, будто пытаясь вернуть себе хоть каплю контроля, резко бросил часовому:

— Докладывай!

— Хорошо всё, товарищ командир. Только холодно немножко, — тихо ответил солдат.

— Это что за доклад, боец?! — Артём уже хотел добавить что-то про устав, про форму доклада, но не успел.

Старшина Ерофеев положил тяжёлую руку ему на плечо, мягко, но так, что спорить не хотелось.

— Ты не серчай. Это Якут, гордость нашего полка. Парень хороший. Парни его «орлиным глазом» зовут. Сам пришёл на войну. Столько фрицев положил — и ихние офицеры у него на счету есть. Грамоте не обучен, устава не понимает. На фрица ходит, как на зверя, — один. Так и говорит: «На охоту пошёл, на зверя, товарищ большой командир. Кого добыть надо сегодня, товарищ очень большой командир?» У него своё отношение к званиям: маленький командир, командир, большой командир, очень большой командир... Мы уж привыкли.

Ерофеев коротко рассмеялся и хлопнул Артёма по плечу. Они пошли дальше.

— Вот, скажем, надо языка добыть, — продолжил старшина, будто продолжая тот самый разговор, который Артём ещё не успел начать. — Так Якут его и добывает. Уходит на три-четыре дня. Мы уж с ним простимся мысленно: мол, не сдюжил наш Якут. А потом смотрим — вернулся. Язык, правда, не целый: обычно указательные пальцы отрежет, чтобы волю и сопротивление сломить. И ведёт, как ослика на верёвке. Снайпер он хороший — без оптики, без всяких прибуд, простым прицелом бьёт. Многие из нас ему жизнью обязаны. Разведчики всё упрасивали командира перевести его к ним, да тот на своём стоит — не отдаёт.

Артём слушал и чувствовал, как внутри всё сжимается не от страха, а от несоответствия. Вот он — этот «неправильный» солдат, который делает то, чего не напишут ни в одном уставе. И вот он сам — лейтенант, который знает все правильные слова, но не знает, как вести себя рядом с таким человеком.

Они остановились у очередного поста. Солдат поднял на них спокойные, внимательные глаза — будто видел не погоны, а то, что под ними. И чуть наклонил голову, как будто оценивал: этот новый лейтенант — он свой или чужой? И от чего-то лейтенант просто отвернулся, без вопросов и бросил старшине:

-

Дальше пошли!

— У нас в Сибири при минус тридцати не так зябко, — констатировал Иван, покосившись на лейтенанта. Тот ёжился и при каждой остановке принимал эту смешную, чисто городскую стойку: плечи вверх, руки к груди, будто хотел в себя спрятаться. — У нас зимой воздух сухой, а тут болотина, гнилые места. А вы откуда, товарищ лейтенант? — с интересом спросил Ерофеев.

— Из Москвы я... — буркнул Артём, не скрывая раздражения. Ему не хотелось ни разговоров, ни этого тягучего, промозглого холода, ни самого себя в этой роли. Он искоса глянул на старшину: крепкий, коренастый мужик с широкими плечами и короткими ногами. Настоящий медведь, твою мать. Ватник и наброшенная сверху плащ-палатка только усиливали этот образ.

— Значит, из самой столицы. Ленина, небось, видел? Иван был простым в общении, русским мужиком и тонкостей в разговоре с командиром не улавливал.

— Видел! — рявкнул Артём и тут же сам себя одёрнул. Но было поздно.

«Хватит, старшина!» — хотелось крикнуть, но слова застряли в горле. Артём был уже третьим командиром в этом взводе за три неполных месяца. Эта мысль, как заноза, сидела в нём: если и он не удержится, если он тоже сгинет, значит, он действительно ни на что не годится в этой жизни.

Как же всё-таки было хорошо дома! Быстрее бы вернуться в землянку, выпить горячего чая, выкурить папироску и поспать хоть два часа до следующей проверки. Сейчас, в этой суровой реальности, это казалось каким-то райским блаженством.

Ерофеев хотел ещё что-то сказать, уже набрал воздух, но Артём опередил: — Отставить разговорчики! Мы тут не ляды точить собрались!

В голове у Артёма с визгом летящей пули вертелась одна мысль: «Этому мужику словно не холодно. Идёт вразвалочку, вон даже гимнастёрка сверху расстёгнута!» Раздражение и

какая-то непонятная обида от всего происходящего заполнили всё его озябшее тело. Не такого он себе ожидал. Он готовился к бою, к атаке, собирался грамотно руководить и побеждать врага, а вместо этого занимается какой-то ерундой.

«Да он издевается надо мной. Проверяет на вшивость. Мол, такой бывалый, выносливый, а я тут...» — эта мысль обожгла, и Артём ухватился за неё, как за оправдание своей злости.

Взгляд его зацепился за распахнутую гимнастёрку старшины, из-под которой выглядывала бычья шея. — Старшина Ерофеев, почему нарушение устава — ношение формы? Или тоже уставу не обучен? — голос сорвался почти на крик, и от этого Артёму стало ещё более стыдно.

— Обучен, — протянул Иван Данилович своим низким, непонимающим басом. — Да это у меня шея короткая, натирает. А тут как натрёшь, так всё загнивает. Болотина же, место гнилое. Вон давеча один голяшку сапогом натёр — так неделю потом на перевязочный пункт бегал...

Артём не дал ему договорить. — Застёгивай давай! Я сказал!

Ерофеев послушно потянулся к пуговицам. Он несколько раз неловко пытался попасть в петли, шея его топорщилась, кожа собиралась складками, и было видно, что застёгиваться ему неудобно и тяжело. — И крючок! — рявкнул Артём. — Не получится, товарищ лейтенант, — спокойно, без обиды, протянул Ерофеев. — Шея не даст.

И тут Артём будто сорвался. Он подскочил, схватил край воротника и сам попытался зацепить крючок. Пальцы дрожали от холода и злости, крючок соскользнул и впился не в петлю, а прямо в кожу на шее старшины. Проступила капля крови.

Ерофеев даже не дёрнулся. Только посмотрел на Артёма — не с ненавистью, а с каким-то усталым, почти отцовским укором. — За что так грубо, товарищ лейтенант?

Слова ударили сильнее любого крика. Артём вдруг почувствовал, как из него разом выходит весь этот горячий, злой воздух. — Я... я не хотел, — пробормотал он, отступая на шаг.

— Знаю, что не хотели, — тихо ответил Ерофеев и аккуратно отцепил крючок, не сводя с Артёма спокойного взгляда. — Но тут не Москва, товарищ лейтенант. Тут устав — не про крючки. Тут он про то, чтобы люди живыми остались.

Эти слова упали в тишину, как камень в воду, и пошли кругами. Артём хотел было что-то возразить, снова схватиться за устав, за свои знания, полученные в училище, но слова не шли. Он только кивнул, не поднимая глаз.

А внутри у него вдруг всё перевернулось. До этой секунды устав был его щитом, единственной вещью, которая делала его настоящим командиром. А теперь он вдруг понял: этот щит здесь может стать обузой. И если он будет цепляться за крючки и доклады, он не защитит никого — ни себя, ни этих людей, которые смотрят на него сейчас не с ожиданием, а с терпеливым недоумением.

Они пошли дальше, молча. Артём больше не требовал докладов, не смотрел на ремни и подворотнички. А в голове у него крутилась одна фраза: «*Тут устав — не про крючки...*» — и с каждым шагом она становилась всё тяжелее, но и всё правдивее.

Они шли дальше по окопу, молча. Артём всё ещё чувствовал, как горят щёки от стыда, и не знал, что сказать. А Ерофеев шагал ровно, не торопясь, будто тяжесть этого дня была ему привычна.

— Простите, товарищ старшина, — наконец выдал Артём. Слова прозвучали жалко, но он всё-таки их сказал. — Да ладно, лейтенант, — спокойно ответил Ерофеев, не глядя на него. — Тут не за что прощать. Тут просто холодно.

Артём хотел было что-то добавить, но заметил, как старшина на секунду замер, будто прислушиваясь к себе. Потом тяжело выдохнул, и пар изо рта рванулся вперёд, растворяясь в сыром воздухе.

— У нас под Иркутском, возле Ангары, тоже бывало холодно, — неожиданно тихо проговорил Ерофеев, будто не Артёму, а себе самому. — Но там мороз сухой, честный. А тут... болотина. Она душу вытягивает.

Он помолчал, и Артём вдруг понял, что сейчас старшина говорит не про погоду.

— Я там, в селе, к кузнецу в подмастерья пошёл. Быстро схватывал. Всё мне нравилось: металл, огонь, когда вещь из ничего рождается. Дом мы с Леночкой обустроили. Она фельдшером работала, её все уважали. Думали, жизнь наладилась...

Ерофеев снова замолчал. На этот раз надолго. Артём не решался ни перебивать, ни спрашивать. Он просто шёл рядом и слушал тишину, в которой слова звучали громче крика.

— А потом Леночку сбил пьяный конюх. Прямо на улице. В темноте. Я сам её нашёл... поздно. После этого думал, что всё, конец. Потом война. Пошёл добровольцем. Думал, пусть уж сразу... А смерть всё мимо. Друзей терял, а сам жив. Вот и говорят, что заговорённый. А мне кажется, проклят: только привяжешься — и теряешь.

Артём сглотнул. Ему вдруг стало стыдно не за крючок, не за крик, а за то, что он вообще мерил этого человека своими уставными мерками.

— Потому я и не люблю лишних слов, лейтенант. И не люблю, когда человека за пуговицу тянут. Жизнь и так хватает за горло.

Они остановились у очередного поста. Часовой кивнул Ерофееву, как старому знакомому, и старшина чуть заметно улыбнулся ему в ответ — так, будто этот кивок был важнее любого доклада.

— Сейчас самое трудное время начнётся, — тихо сказал Ерофеев, глядя в темноту, где ночь уже смыкалась с землёй. — С четырёх дня до восьми утра посты усиливают. Пять часов на этом мокром морозе — это не про храбрость. Это про то, чтобы просто не сойти с ума. Минус двенадцать, а тело до костей промерзает, одежда влажная. Тут не про крючки надо думать, а про то, как человека сберечь.

Он повернулся к Артёму, и в его взгляде не было ни упрёка, ни жалости — только спокойная тяжесть, которую он нёс столько лет.

— Вы, товарищ лейтенант, не бойтесь быть неидеальным. Бойтесь быть равнодушным. А устав... устав тут такой: чтобы каждый, кто смену отстоял, живым домой вернулся. Хоть когда-нибудь.

Придя в землянку, Артём разделся, налил горячий чай и, не раздеваясь до конца, бухнулся на нары. В землянке было тепло, пахло сеном, древесиной, землёй и догоравшими в буржуйке поленьями. Он закрыл глаза и почти сразу провалился в сон.

Ему снился дом. Мама ставила на стол тарелку горячих пирожков, за окном падал пушистый снег, а в комнате пахло яблоками и ванилью. Артём хотел сказать ей что-то важное, но не мог подобрать слов. Он просто сидел и смотрел, как она улыбается, и чувствовал, как тепло разливается по груди.

— Тревога! К бою! Немцы на прорыв! — грубый крик ворвался в сон, как удар сапогом в дверь.

Артём подскочил, не понимая, где он, что происходит. Перед глазами ещё стояла мамина кухня, а вокруг была закопчённая землянка, сапоги, ремни, люди, которые уже выскакивали наружу.

Он схватил ремень, попытался заправить рубашку. Пальцы не слушались, пуговица никак не попадала в петлю, и от этого паника только нарастала. «Спокойно, спокойно!» — говорил он себе, но голос внутри звучал жалко и тихо.

Выбежав наружу, он сразу попал в хаос. Темнота, вспышки выстрелов, крики, запах пороха и сырости. Где-то совсем рядом, в окопе, разорвалась граната, и земля вздрогнула под ногами.

В этой суматохе он вдруг увидел Ерофеева. Старшина стоял спокойно, будто посреди бури, и раздавал короткие, чёткие команды: — Второй сектор — держать! Патроны экономить!

Артём хотел было крикнуть: «Я здесь, я командир!», но слова застряли в горле. Он только шагнул вперёд, и Ерофеев на секунду поймал его взгляд. — Держи сектор, лейтенант, — спокойно сказал он, будто это была самая естественная вещь на свете. — Не стой. И каску надень, или жить не хочешь. Артём не стал спорить, а метнулся в землянку за каской. Внутри было всё так же тепло, но теперь этот тёплый запах сена казался чужим, почти предательским — будто он вообще из другого мира. В полутьме он нашарил каску, ту самую, с помятым краем. Пальцы наконец-то сработали, он с шлепком натянул на подбородок ремешок — и этот сухой, короткий звук вдруг прозвучал как команда самому себе: «Держись».

В тот же миг дверь землянки распахнулась с таким треском, будто её не открыли, а сорвали с петель.

На пороге стоял Ерофеев. Лицо — как камень: ни злости, ни спешки, только железная собранность. Он коротко глянул на Артёма — и в этом взгляде было сразу всё: и «вижу, что трясёшься», и «но ты справишься».

— Обстановка такая, — негромко, но так, что слышно сквозь грохот, бросил Ерофеев. — На дальнем посту связь пропала, ребята там почти вслепую сидят. Я туда. Держи позицию их, если обвал обороны — сразу дам знать. А тут у тебя второй сектор, Петров с Семёновым на месте, они парни крепкие бывалые. Теперь твоя очередь командовать, лейтенант. Не жди, пока за тебя решат.

Артём хотел сказать: «Я не готов», хотел хоть слово выдать, чтобы старшина понял, как у него внутри всё дрожит. Но Ерофеев не ждал оправданий. Он шагнул ближе, чуть понизил голос — будто делился не приказом, а чем-то своим, тяжёлым:

— Давай, держись. И команду. Пусть не громко, пусть не красиво — главное, чтобы слышно было. Чтобы парни знали: командир тут, он видит, он с ними.

— Давай, держись. И команду. Пусть не громко, пусть не красиво — главное, чтобы слышно было. Чтобы парни знали: командир тут, он видит, он держит.

Он ещё секунду постоял, будто хотел что-то добавить, но только коротко кивнул:

— Я на дальнюю. Доложу тебе, как доберусь. Держись тут.

И ушёл — не бегом, не в суете, а ровно, твёрдо, растворяясь в темноте, где вспышки разрывов чертили небо рваными линиями.

Артём остался у двери. В ушах звенело, пальцы всё ещё сжимали каску, будто она была якорем. Но теперь в груди появилось что-то новое — не спокойствие, нет, а тяжесть ответственности, которая вдруг перестала казаться чужой.

Лейтенант медлил, не в силах заставить себя выйти наружу. Тело будто сковало льдом: ноги подгибались, руки тряслись, и даже заправить гимнастёрку казалось непосильной задачей. Он кое-как стянул полы, пальцы путались в пуговицах, а в груди всё сжималось от глухого, животного страха.

Внезапно рядом грохнула очередь крупнокалиберного MG-42, в ответ коротко рявкнул ППШ — и тут же замолк. Ещё автоматные очереди, и сразу в ответ — два пулемёта одновременно, сливаясь в один сплошной вой.

«Немецкие пулемёты... прямо за палаткой! Прорыв... так быстро!» — пронеслось в голове у Артёма.

Он метнулся к двери. Сбитая из толстых досок створка; она и правда давала ощущение надёжности, пока была закрыта. Сейчас Артём стоял к ней вплотную и видел сквозь щели узкие полосы света — от вспышек выстрелов. В этих полосах плясали пылинки, и казалось, что сама дверь дрожит от грохота снаружи.

Сквозь щели он увидел вспышки — огни, вырывающиеся из стволов, на секунду выхватывали из темноты силуэт. Огромный, тяжёлый, словно демон из кошмара: свет пулёмётных

очередей обрисовывал его, будто высекая из мрака. Противостояние ППШ захлебнулось в этом грохоте.

Артём не видел лица, но кожей чувствовал: силуэт повернулся к входу. Щёлкнул спуск. И в этот миг весь мир сузился до точки — до этого щелчка, до запаха гари и сырости, до тяжести в животе, где будто крутили раскалённой кочергой.

— Мама... мамочка... — прошептал он, голос сорвался на жалобный писк.

Ноги стали ватными, он осел, и реальность обрушилась окончательно. Внизу живота всё оборвалось, и по штанам потекло, сапоги быстро наполнились, чавкнули при малейшем движении. Страх перестал быть просто страхом — он стал физическим, липким, унижительным.

В голове мелькнуло: «Рядом кобура... пистолет!» Он рванулся к ней, пальцы судорожно вцепились в рукоять, но кобура будто держала намертво, не отдавала оружие. Артём дёргал, тянул, как загнанный кролик, который конвульсивно подпрыгивает в ловушке, не видя выхода.

А силуэт не стал нагибаться, чтобы войти. Он просто ударил в дверь. Не ногой, не плечом — просто шагнул вперёд, и тяжёлые доски не выдержали. С оглушительным треском створка сорвалась с петель, пролетела через землянку и с грохотом врезалась в противоположную стену. На мгновение лейтенанту показалось, что этот человек — нет, это существо — заполнило собой всё пространство, вытеснив воздух, свет, саму возможность дышать.

Наконец, с хрустом, пистолет выскользнул из кобуры. Артём расставил ноги, как в ковбойских фильмах, сапоги противно чавкнули, и он направил ствол на фрица. На секунду в нём вспыхнуло ложное чувство превосходства: «Я на мушке! Сейчас выстрелю — и всё закончится!»

Но раскалённая кочерга в животе не унималась, только сильнее накручивала кишки.

— Вот, мазилы? Там по выстрелам не меньше дюжины автоматчиков не справились... Какой сброд мне достался... — пронеслось у него в голове, и эта злость на самого себя вдруг дала крошечную опору.

Фигура немца казалась огромной не только из-за роста: кожаный плащ добавлял веса, за ним угадывался массивный короб пулемёта. На голове — каска, простреленная в нескольких местах, искорёженная, с вмятинами. Лицо... лицо было как с арийских плакатов, но изуродованное: кожа висела лоскутами, будто резиновая, но крови почти не было. Это делало его не человеком, а чем-то невозможным, кошмарным.

— Что за срань тут происходит... Это сон... — прошептал Артём, цепляясь за эту мысль, как за соломинку.

Фриц отбросил разряженный пулемёт. Патроны кончились. Больше оружия не было видно.

— Получи, фашистская мразь! — выкрикнул Артём, подбадривая себя, и, зажмурившись, разрядил половину обоймы в грудь противника.

Раздался металлический лязг. Пули отскочили, не причинив вреда. Противник даже не дёрнулся. Только медленно опустил взгляд на свою грудь.

— Бронеплита! — сообразил лейтенант и оставшуюся обойму всадил в лицо.

Голова существа лишь чуть качнулась от попаданий, будто её толкали, но не могли сдвинуть. После последнего выстрела она замерла на секунду — и эта секунда показалась Артёму вечностью. Он застыл, парализованный ужасом.

Затем фигура медленно подняла взгляд. Кожа на лице частично слетела, висела рваными лоскутами. Там, где должны были быть глаза, теперь горели красные огоньки. Из-под разорванной плоти проглядывали чёрные кости черепа.

— Боженьки... — простонал Артём, судорожно пытаясь вспомнить хоть одну молитву. Он был убеждённым атеистом, но на войне атеистов не бывает. — Господи, спаси... «Отче наш»... бабушка учила... но слова рассыпались, память будто отшибло.

Туша медленно сдвинулась с места. Метафизическая кочерга внутри вдруг резко упёрлась во что-то, надавила — и реальность окончательно рухнула. С отвратительным звуком содержимое кишечника прорвалось наружу.

Чавкаяющими, ватными ногами он попятился, потом развернулся и, как маленький ребёнок, забился в угол на нарах, обхватил колени, уткнулся лбом в стиб руки и зашатался, вгоняя себя в транс.

— Это сон. Это мне снится. Я сейчас проснусь. Потом опять засну, и мне приснится мама, . Конечно, это сон... такого не бывает... — шептал он, как мантру.

Из этого оцепенения его вырвала резкая боль: чья-то рука схватила его за волосы, резко откинула голову назад, вторая вцепилась в шею. Безвольное тело выдернули из безопасного угла. Ноги повисли в пустоте. Чуть согнув руку, существо подтянуло лицо Артёма к своему. Сквозь рваную кожу проглядывала металлическая скула, а в приоткрытом рту виднелись идеально ровные, белоснежные зубы.

— Не курит, наверное... спортсмен... — бессмысленно пронеслось в голове Артёма, нелепая мысль, которая вдруг удержала его от полного безумия.

— Цель опознана: русский солдат. Угрозы нет. Уничтожить, — сказала чудовище на чистом русском, без акцента, холодным, механическим голосом.

— Нет... нет... не надо... — прохрипел Артём, пузырясь соплями и слезами.

И тут краем глаза он заметил небольшую тень, скользнувшую в дверной проём — туда, где ещё валялись щепки и торчали сорванные петли.

— Свои... ребята... наконец-то... — мелькнула слабая надежда.

Сразу за этим грянула очередь. Искры, как бенгальские огни, брызнули из головы существа. Чудовище на секунду замерло, ослабило хватку — и Артём рухнул на земляной пол, сел на корточки, прижался спиной к стене, не понимая, жив ли он вообще.

Перед ним стояла невысокая, очень хрупкая рыжая девчонка, на вид лет восемнадцати, абсолютно голая, вся обсыпанная мукой, будто только что выскочила из пекарни. В руках она уверенно сжимала пулемёт Дегтярёва ДП-27.

Она резко отбросила пулемёт, протянула руку к Артёму и крикнула звонким, почти детским голосом, но с железной твёрдостью:

— Нож! Давай нож, быстрее, не тупи!

От сдавленной гортани Артём не мог вымолвить ни слова. Только дрожащей рукой показал на стол, где среди кружек, крошек и газеты лежала финка.

Существо очнулось, выпрямилось, опустило руки, как солдат по стойке «смирно», и медленно развернулось в сторону девушки.

— Поздно! — крикнула она, голос звенел от адреналина.

Несколько секунд чудовище всматривалось в неё, будто считывало данные.

— Цель опознана. Объект 723. Угроза высокая. Приоритет высокий. Задача: доставить живой, — проговорило оно тем же спокойным, нечеловеческим тоном.

Рыжая не дрогнула. Она подхватила пулемёт с такой лёгкостью, будто он ничего не весил, и выпустила короткую очередь.

— Ну что, нравится, консервная банка? Хочешь меня? Тогда возьми! — выкрикнула она и швырнула опустевший пулемёт прямо в лицо чудовищу.

Тот не шелохнулся. Даже не моргнул — если бы у него были веки. Медленно, размеренно он двинулся к ней.

Девушка не стала ждать. Она скользнула за порог, существо последовало за ней — сначала неуверенно, будто пробуя движения, а потом всё быстрее, словно сбрасывая оцепенение. Каска сорвалась с головы и повисла на ремешке.

Через мгновение снаружи раздался оглушительный грохот — будто что-то огромное рухнуло, ухнуло, ещё раз вздрогнуло — и наступила тишина.

Артём глубоко втянул воздух, закашлялся, пытаясь прогнать из горла этот железный привкус страха, закатил глаза — и сознание окончательно погасло.